

Балканскія настроенія. ¹⁾

1.

У насъ, въ Россіи, принято въ послѣднее время жестоко упрекать Болгарію. Мы упрекаемъ Болгарію за то, что нападеніемъ на сербовъ 16 іюня 1913 г. она разрушила балканскій союзъ и сыграла въ руки дипломатамъ Берлина и Вѣны. Мы упрекаемъ Болгарію за то, что съ 23 іюня 1913 г. и до начала европейской войны она вела опредѣленную австро-германскую политику. Мы упрекаемъ Болгарію за то, что когда началась европейская война, Болгарія отказалась помочь Сербіи и нѣсколько разъ опредѣленно и недвусмысленно помогала ея и нашимъ врагамъ.

Наблюдая жизнь на Балканахъ вотъ уже шестой годъ, всматриваясь внимательно и пристально во всѣ детали балканской политики и дипломатіи въ самые критическіе моменты жизни балканцевъ, я, по совѣсти до сихъ поръ не могу согласиться съ тѣми, кто всю отвѣтственность за крушеніе балканскаго союза переноситъ на Болгарію и на болгар. Исторія балканскихъ войнъ 1912—13 гг. въ самомъ непродолжительномъ времени точно установить долю отвѣтственности каждаго изъ балканскихъ государствъ въ тяжелой балканской катастрофѣ. Но моя память подсказываетъ мнѣ, что уже въ декабрѣ 1912 года, когда послѣ подписанія чаталджанскаго перемирія я объѣзжалъ оккупированную греками и сербами Македонію, я чувствовалъ, что этотъ оккупационный режимъ неумолимо ведетъ къ междусоюзнической войнѣ. Въ цѣломъ рядъ „македонскихъ писемъ“, опубликованныхъ въ декабрѣ 1912 и въ январѣ 1913 гг. въ *Ръчи*, я былъ—увы!—пророкомъ. А вѣдь и въ ту пору вся болгарская армія мерзла на Чаталджѣ и Булаирѣ, и только не думая о нападеніи на своихъ союзниковъ, но, наоборотъ

¹⁾ Предлагаемая статья, написанная до вступленія Турціи въ европейскую войну, невольно вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя читатель найдетъ ниже въ предисловіи П. Б. Струве. Ред.

собственной грудью отставая своихъ союзниковъ отъ новой, свѣжей, только что сконцентрировавшейся и еще не участвовавшей въ бояхъ турецкой арміи.

Когда въ концѣ 1912 г. я вернулся изъ своей поѣздки по Македоніи въ Софію, мнѣ пришлось бесѣдовать съ тогдашнимъ болгарскимъ министромъ-президентомъ г. Ив. Гешовымъ. Я помню ясно, что я былъ тогда настроенъ чрезвычайно пессимистически, и, несмотря на то, что г. Гешовъ казался мнѣ склоннымъ на всевозможныя уступки, я былъ убѣжденъ, что междусоюзническая война—вопросъ если не недѣль, то мѣсяцевъ.

Въ началѣ іюня 1913 года новый болгарскій министръ-президентъ г. д-ръ Даневъ обратился ко мнѣ съ просьбой выполнить одну работу, стоящую въ непосредственной связи съ предполагавшимся въ Петроградѣ арбитражемъ. Какъ по смыслу самой работы, такъ и изъ моихъ разговоровъ съ д-ромъ Даневымъ я убѣдился, что болгарское правительство пойдетъ на всевозможныя уступки. Но по гѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я получалъ тогда изъ Бѣлграда и Бухареста, я видѣлъ, что уступчивость болгарскаго правительства не приведетъ ни къ чему и что въ Бѣлградѣ и Афинахъ желаютъ не арбитража, а войны. Заявленіе Румыніи о томъ, что она ни въ коемъ случаѣ не останется нейтральной, было рѣшительнымъ. Сербія и Греція, колебавшіяся и сомнѣвавшіяся въ успѣхѣ, заручившись обѣщаніями Румыніи, перестали колебаться и сомнѣваться. Уже въ началѣ іюня 1913 г. въ Бѣлградѣ, Афинахъ и Бухарестѣ была рѣшена война противъ Болгаріи, и я знаю положительно, что, если бы 16 іюня болгаре не напали на сербовъ, черезъ нѣсколько дней сербы и греки напали бы на болгаръ. Даже въ томъ случаѣ, если бы делегаты Болгаріи и Сербіи успѣли выѣхать въ Петроградъ на конференцію по арбитражу.

Въ іюль 1913 г., за день до открытія бухарестской конференціи, я имѣлъ продолжительную бесѣду съ румынскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, г. Таке Іонеску. Онъ задалъ мнѣ тогда нѣсколько вопросовъ, первымъ изъ которыхъ былъ слѣдующій:

— Кто виноватъ въ началѣ междусоюзнической войны?

На этотъ вопросъ я тогда же прямо и безъ обиняковъ отвѣтилъ г. Таке Іонеску, что, по моему глубокому убѣжденію, вся вина падаетъ на Румынію, такъ какъ ея вмѣшательство въ балканскія событія опрокинуло существовавшее до сихъ поръ соотношеніе силъ и подвело фундаментъ подъ непримиримость грековъ и сербовъ. Я видѣлъ, что мой отвѣтъ поразилъ г. Іонеску. Онъ откинулся назадъ въ своемъ креслѣ, осмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами и, не то удивляясь, не то искренно сожалея, воскликнулъ:

— Но мы стремились именно къ обратному!...

Тогда я не хотѣлъ и теперь не имѣю въ виду сказать, что 16 іюня не сыграло никакой роли въ событіяхъ и что на Болгарію не падаетъ ея доля отвѣтственности за крушеніе балканскаго союза. Но и тогда я думалъ, и теперь я убѣжденъ въ томъ, что причины этого крушенія были весьма глубоки и чрезвычайно разносторонни. И я радъ, что тотъ же г. Таке Іонеску, находящійся теперь въ оппозиціи, мѣсяць тому назадъ опубликовалъ въ своемъ органѣ *La Roumanie* статью, въ которой приходится къ тѣмъ же выводамъ.

Относительно „поворота курса“ и ориентировки болгарской политики въ сторону Берлина и Вѣны и въ болгарской, и въ русской печати написано такъ много, что вопросъ этотъ можно считать совершенно исчерпаннымъ. Правительство гг. Радославова, Геннадіева и Тончева (а впоследствии только гг. Радославова и Тончева) было призвано къ власти въ совершенно исключительный моментъ и для совершенно исключительныхъ цѣлей: въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Софіи разѣзжал румынскіе кавалеристы, угрожая столицѣ Болгаріи если не войной, то скандальнымъ погромомъ. Болгарская армія, отрѣзанная отъ своего тыла, геройски выполняла третій по счету планъ своей главной кватирты, но ея борьба походила уже не на войну, а на любительскій бой на кулачки. Свѣжая, прекрасно вооруженная и обмундированная турецкая армія наступала на Адрианополь съ опредѣленной цѣлью—вступить на болгарскую территорію у Филипополя (Пловдива). Министръ-председатель д-ръ Даневъ со слезами на глазахъ заявилъ въ коронномъ сѣдѣнн, что вся его политика обанкротилась. Вожди остальныхъ политическихъ партій боялись той громадной отвѣтственности, которая неизбежно должна была пасть на всякое новое правительство. При такомъ положеніи дѣлъ всякій выходъ былъ хорошъ, и то, что сдѣлалъ Геннадіевъ въ іюль 1913 г., было единственнымъ, что можно было сдѣлать для Болгаріи въ эти ужасные для нея дни. Теперь, *post factum*, можно критиковать и анализировать, но я отчетливо, въ мельчайшихъ деталяхъ помню начало іюля 1913 г. въ Софіи и въ полномъ сознаніи отвѣтственности, которую принимаю на себя, утверждаю, что ничего иного сдѣлать было нельзя.

Правительство гг. Радославова, Геннадіева и Тончева дебютировало (еще до принятія власти) письмомъ къ царю Фердинанду, въ которомъ излагало свое политическое credo:

„Нужно прямо и откровенно итти съ Германіей и Австріей!“
Таковъ былъ лейтъ-мотивъ этого письма.

У меня есть основанія утверждать, что 23 іюня, когда гг. Радославова, Геннадіевъ и Тончевъ подписали это письмо, содержаніе его было только фразой. У меня есть основанія утверждать, что и въ іюль, и въ августъ 1913 г. письмо шефовъ такъ называемой либеральной ко-

центраціи оставалось только письмомъ и ни въ какой мѣрѣ не претворялось въ активную политику. Не потому, чтобы этого не хотѣли шефы ставшихъ у власти партій. А потому, что Берлинъ и Вѣна, запутавшись въ противорѣчіяхъ бухарестскаго договора и новаго балканскаго равновѣсія, не могли ничего сдѣлать для Болгаріи.

Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1913 г., т.-е. тогда, когда правительство г. Радославова успѣло уже прочно обосноваться и начать подготовку выборовъ, лицо, играющее крупную роль во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, говорило мнѣ въ Вѣнѣ:

— Мы здѣсь, въ Вѣнѣ, категорически не можемъ сдѣлать ничего для этихъ бѣдныхъ болгаръ. Они должны идти съ вами, и мы въ этомъ отношеніи, конечно, окольными путями, дали имъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ.

Въ сентябрѣ и даже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1913 г. г. Радославовъ не былъ еще ни съ Вѣной, ни съ Берлиномъ. Но уже самый фактъ существованія письма, адресованнаго къ царю, дѣлалъ свое дѣло. Какъ всегда бываетъ въ политикѣ и въ дипломатіи, лозунги волновали больше, чѣмъ дѣла. Предвыборная кампанія въ XVI народное собраніе была критикой не столько дѣлъ г. Радославова, сколько его намѣреній, выраженныхъ въ этомъ письмѣ. Началась борьба за власть,—борьба, въ которой съ рѣдкимъ единодушіемъ болгарская оппозиція первый разъ за все время существованія Болгаріи побѣдила болгарское правительство. Правительству отъ словъ пришлось перейти къ дѣйствіямъ. Необходимо было или уйти въ отставку, или полностью осуществить программу, изложенную въ письмѣ отъ 23 июня. Г. Радославовъ предпочелъ послѣднее. Въмѣсто того, чтобы вспомнить торжественную декларацию, сдѣланную имъ и г. Геннадіевымъ въ началѣ іюля 1913 г. („мы становимся у власти только для ликвидаціи положенія, но отнюдь не для управленія страной“), уже въ ноябрѣ того же года было ясно, что г. Радославовъ хочетъ управлять страной „во что бы то ни стало“, даже при отсутствіи большинства въ народномъ собраніи.

Создалось съ ноября 1913 г. такое положеніе: съ одной стороны, правительство, ищущее связей съ Берлиномъ и Вѣной, и, съ другой стороны, оппозиціонное большинство, протестующее противъ этихъ связей и желающее возвращенія къ Россіи. Это именно положеніе, незначительно колеблясь то въ одну, то въ другую сторону, привело Болгарію къ ея теперешнему состоянію. Правительству г. Радославова, несомнѣнно, удалось отыскать связи съ Берлиномъ и съ Вѣной. Но настроеніе страны, но поведеніе объединенной оппозиціи парализовали и парализуютъ его прямую, не знающую зигзаговъ, волю. Пришлось и приходится прибѣгать къ игрѣ „благосклонностью“ болгарскаго нейтралитета и, такимъ образомъ, лавировать между Сциллой австро-германскихъ вождѣлнй и Харибдой желаній болгарскаго народа.

2.

Въ борьбѣ, которую ведетъ болгарская оппозиція противъ правительства г. Радославова, трудно стать на сторону послѣдняго. Но, къ счастью, мы, посторонніе и объективные наблюдатели балканской жизни, можемъ отвлечься отъ самаго процесса борьбы—этого внутренняго, домашняго дѣла Болгаріи—и учитывать только ея результаты. А результаты эти таковы, что въ данный моментъ, когда Берлинъ и Вѣна особенно нуждаются въ помощи Софіи ¹⁾, письмо, написанное 23 іюня 1913 г. гг. Радославовымъ, Геннадіевымъ и Тончевымъ къ царю Фердинанду, все еще продолжаетъ оставаться письмомъ, а не документомъ. Въ этомъ—заслуга сплоченнаго болгарскаго народа, представленнаго „объединенной парламентской оппозиціей“, въ этомъ—заслуга здраваго смысла болгарской интеллигенціи; въ этомъ, наконецъ, та предѣльная уступка, которую министр-президентъ г. Радославовъ дѣлаетъ доброму, любящему свое отечество, болгарину—д-ру Радославову.

Я считаю необходимымъ подчеркнуть это обстоятельство, потому что оно является лучшимъ коррективомъ къ тѣмъ огульнымъ обвиненіямъ, которыя все чаще и чаще раздаются въ нашей прессѣ. Мы не имѣемъ права ни на минуту упускать изъ виду всего того, что предшествовало началу войны; мы не имѣемъ права ни на минуту упускать изъ виду того, что въ Болгаріи два теченія съ 23 іюня 1913 г. борются другъ съ другомъ и что цѣной громадныхъ моральныхъ усилій побѣждаетъ и морально торжествуетъ то, которое за насъ, которое съ нами, которое противъ нашихъ враговъ. Уже этого одного обстоятельства достаточно, чтобы теперь, когда Великая Россія поставила на очередь рѣшеніе цѣлаго ряда національныхъ вопросовъ, мы не забыли о странѣ и народѣ, борющемся за насъ если не на передовыхъ позиціяхъ и не въ окопахъ, то въ стѣнахъ своего народнаго собранія, въ своей прессѣ, во всей своей общественной и политической жизни. Мы должны перестать упрекать этотъ народъ, выдержавшій столько испытаній и доказавшій, что онъ умѣетъ бороться. Мы должны внимательно прислушаться къ нуждамъ этого народа, потому что, какъ бы ни кончилось то большое дѣло, которое дѣлаетъ Великая Россія, намъ всегда будетъ нужно, чтобы Болгарія была съ нами.

¹⁾ Не такъ давно германское правительство пригласило четырехъ болгаръ объѣхать германскіе театры военныхъ дѣйствій и убѣдиться въ томъ, что германскія войска не дѣлали никакихъ звѣрствъ. Вся эта побѣдка носила какой-то нелѣпый характеръ пикника съ переодѣваніями, и единственнымъ поучительнымъ моментомъ ея была встрѣча болгарскихъ экскурсантовъ съ гр. Тиссой въ Будапештѣ. На вопросъ болгаръ о томъ, какъ дѣла въ Сербіи, гр. Тисса отвѣтилъ: „Мы нажимаемъ сверху, и если бы г. Радославовъ помогъ намъ и нажалъ снизу, то все было бы кончено“.

Въ ряду отдѣльныхъ вопросовъ, изъ которыхъ составляется весь сложный комплексъ такъ называемаго балканскаго вопроса, вопросъ о болгарскихъ національныхъ претензіяхъ наиболѣе простъ и наиболѣе ясенъ.

Можно, конечно, сознательно запутывать его, можно вводить въ игру политическія, дипломатическія и всякія другія соображенія, но достаточно немножко объективности и безпристрастія, достаточно немного здраваго смысла, чтобы убѣдиться, что центръ Балканскаго полуострова—Македонія, западная Фракія и царство Болгарія—населенъ преимущественно болгарами, что нигдѣ, кромѣ этой сплошной территоріи, болгаре не живутъ сплошной массой и что, слѣдовательно, не было бы теоретически ничего проще, чѣмъ рѣшить болгарскій національный вопросъ.

Авторы болгаро-сербскаго союзнаго договора 1912 г., творцы и основатели такъ называемаго балканскаго союза, сами до нѣкоторой степени виноваты въ той путаницѣ понятій, которая была вызвана отчасти текстомъ союзнаго договора, отчасти политикой отдѣльныхъ балканскихъ государствъ. Уже терминологія договора, устанавливавшая „спорную“ и „безспорную“ зоны, вносила въ договоръ элементъ неопредѣленности, спорности, и именно въ вопросъ, о которомъ не могло быть съ болгарской точки зрѣнія никакого спора.

Ни одинъ болгаринъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что въ Македоніи есть „спорная“ зона. Если по политическимъ или дипломатическимъ соображеніямъ необходимо было пойти на уступки сербамъ и отдать имъ въ видѣ вознагражденія за услуги часть болгарской Македоніи, нужно было сдѣлать это открыто и прямо, нужно было точно опредѣлить въ договорѣ эту уступку, нужно было сказать, что она дѣлается во имя интересовъ балканскаго союза, и на этомъ покончить. Авторы договора, къ сожалѣнію, стали на иной путь. Зная, что уступку сдѣлать придется, они рѣшили весь odiumъ этой уступки перенести на будущаго арбитра и до послѣдняго момента сохранить иллюзію спорности по отношенію къ уступаемой территоріи. Это было хитростью провинціальныхъ адвокатовъ, до послѣдняго дня скрывающихъ слабую сторону процесса. Хитрость не удалась. Не успокаивая болгаръ, терминъ спорности дразнилъ аппетиты сербовъ, такъ какъ, по совѣсти, нѣтъ никакой разницы между городами Скопье, Велесомъ и Прилѣпомъ, и если Скопье объявленъ спорнымъ, то теряются всякія основанія безспорности Велеса и Прилѣпа.

Порочность договора, желавшаго споромъ и арбитражемъ затушевать необходимыя уступки, въ значительной мѣрѣ опорочила все дѣло союза. Мѣсто того чтобы цѣной уступокъ и жертвъ купить объединеніе большей части болгарскаго племени (а такова была, конечно, цѣль болгар-

скихъ авторовъ договора), союзъ уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1912 года выродился въ завоеваніе территорій и въ споръ о территорияхъ. Оставался вопросъ только о способахъ рѣшенія этого спора. Договоръ предусматривалъ арбитражъ, а печальная балканская дѣйствительность подсказала войну. Это, пожалуй, былъ еще лучший выходъ. Я глубоко убѣжденъ, что если бы событія опоздали на нѣсколько дней, мы были бы свидѣтелями, въ июнѣ 1913 г., и арбитража, и войны ¹⁾.

Я вернулся къ этой печальной эпохѣ для того, чтобы подчеркнуть что съ момента заключенія балканскаго союза въ 1912 г. и до подписанія бухарестскаго договора въ июлѣ 1913 г. все время рѣшеніе балканскаго вопроса вообще и болгарскаго національнаго вопроса въ частности было поставлено на зыбкую почву фальшивыхъ, искусственныхъ отношеній. Или правительство гг. Гешова и Данева, подобно предшествовавшему имъ правительству г. Малинова, не должно было соглашаться ни на какой раздѣлъ Македоніи, или, рѣшившись на эту печальную операцію, нужно было назвать ее по имени и сдѣлать ее быстро и энергично.

Европейская война, поставившая на очередь переоцѣнку многихъ международныхъ цѣнностей, ставитъ на очередь пересмотръ бухарестскаго договора. Европейскій ареопагъ долженъ будетъ заняться этимъ не потому, что нужно будетъ вознаграждать или компенсировать за что-нибудь Болгарію. Европейская конференція должна будетъ наново перрѣшить болгарскій національный вопросъ, какъ таковой, совершенно независимо отъ того, какую политику будетъ вести правительство г. Р. дославова. Обновленная въ нынѣшнихъ страданіяхъ Европа не допуститъ, чтобы племя, населяющее центръ Балканскаго полуострова, оставалось на Балканахъ ферментомъ вѣчнаго недовольства и броженія. Этого потребуютъ интересы не только балканскаго, но и европейскаго равновѣсія.

Поэтому и Европа, и Болгарія уже теперь должны составить себѣ хотя бы приблизительное мнѣніе о томъ, въ какихъ размѣрахъ можетъ быть рѣшенъ Европой болгарскій національный вопросъ.

Я не стану говорить о претензіяхъ непримиримой части болгарскаго народа и объ общаніяхъ, которыя уже теперь такъ легко даются болгарамъ въ вѣнской и берлинской печати. Я хочу отмѣтить, что громадное большинство болгаръ, понявъ ошибки прошлыхъ лѣтъ, чрезвычайно благоразумно смотритъ на положеніе дѣлъ въ настоящемъ.

— Уступка намъ такъ называемой „безспорной“ зоны, конечно могла бы теперь удовлетворить болгарскій народъ.

¹⁾ Совершенно такъ же, какъ это было въ июнѣ того же года съ болгаро-румынскимъ споромъ: петербургская конференція о Силистріи предшествовала походу румынъ на Болгарію.

Такъ формулируетъ свой взглядъ на положеніе вещей большинство серьезныхъ политическихъ дѣятелей. При этомъ нужно имѣть въ виду, что, такъ формулируя свои требованія, болгаре отказываются отъ какихъ бы то ни было спорныхъ зонъ и, слѣдовательно, соглашаются на то, что уступкой имъ бывшей безспорной зоны рѣшается вопросъ.

Есть всѣ основанія полагать, что правительства силъ тройственнаго согласія, и, въ частности, русское правительство, вполне согласны удовлетворить требованія болгаръ въ такомъ ихъ видѣ.

Остается открытымъ вопросъ о томъ, когда должны быть удовлетворены требованія болгаръ.

У насъ въ Россіи склонны отвѣтить на это:

— Какъ можно позже!... Какъ можно ближе къ концу войны!...

Въ Болгаріи, наоборотъ, настойчиво просятъ:

— Какъ можно скорѣе!...

Отвѣтъ, который даютъ въ Петроградѣ, аргументируется, обыкновенно такъ:

— Мы не знаемъ еще, какъ и чѣмъ кончится война; мы не знаемъ, насколько увеличится Сербія. Только когда выяснятся контуры нашихъ успѣховъ вообще и сербскихъ въ частности, только тогда мы сможемъ говорить объ уступкахъ Болгаріи.

Мнѣ кажется, что этотъ аргументъ несостоятеленъ. Если мы рѣшили исправить признанную нами ошибку, то медлить нельзя. Если Сербія побѣдоносно справится съ нашими общими врагами,—уступка Македоніи пройдетъ для нея незамѣченной. Но если, паче чаянія, Сербіи не удастся раздвинуть свои границы на сѣверъ, то изъ нынѣшнихъ испытаній она выйдетъ такой ослабленной, такой обезсиленной, что благосклонность Болгаріи ей будетъ болѣе необходима, чѣмъ македонская территория. Эту благосклонность необходимо подготовить на всякій случай теперь же. Ее должны подготовить мы, потому что мы первые заговорили объ ошибкахъ и объ ихъ исправленіи. Эту благосклонность должны подготовить мы еще потому, что нельзя оставлять нашимъ врагамъ даже призрачной, даже иллюзорной возможности исправлять наши ошибки.

Анализируя возможное рѣшеніе болгарскаго національнаго вопроса, я не могу не отмѣтить, что, помимо болгарскихъ претензій на такъ называемую „безспорную“ зону Македоніи, болгаре предъявляютъ претензій на возвращеніе имъ той части Добруджи, которая въ прошломъ году была отнята у нихъ румынами. Если принять во вниманіе, что и въ этомъ требованіи благоразумная часть болгарскаго общества проявляетъ умѣренность и соглашается признать рѣшеніе петроградской конференціи по вопросу о Силистріи, т.-е. согласиться, въ концѣ-кон-

цовъ, на оставленіе города Силистріи въ румынскихъ рукахъ,—врядъ ли можно найти хоть какое-нибудь соображеніе противъ справедливыхъ требованій болгарскаго народа. Румыны уже сами поняли свою ошибку, они сами видятъ ясно, что Добруджа не дала имъ ничего, кромѣ постоянныхъ тревогъ и опасеній. Конечно, чисто-государственныя соображенія мѣшаютъ имъ поставить этотъ вопросъ прямо, но можно надѣяться, что давленіе съ нашей стороны могло бы дать вполне опредѣленные результаты.

Остается еще одинъ вопросъ, о которомъ въ Болгаріи почти не говорятъ, но который, тѣмъ не менѣе, нельзя упускать изъ виду. Я говорю объ исправленіи болгаро-турецкой границы и о восстановленіи линіи Мидія Еносъ, съ возвращеніемъ Болгаріи земель, лежащихъ между этой линіей и нынѣшней болгаро-турецкой границей.

Правительство г. Радославова, имѣющее спеціальныя основанія поддерживать добрыя отношенія съ Царьградомъ, не подымаетъ вопроса о линіи Мидія-Еносъ. Но болгарскій народъ не можетъ забыть тѣхъ жертвъ, которыя онъ принесъ у Адрианополя. Западная Фракія необходима Болгаріи не только потому, что она, по теченію рѣки Марицы, даетъ центральной части Болгаріи (Филиппопольскій и прилегающіе къ нему округа) лучшій, естественный выходъ къ эгейскому побережью. Западная Фракія необходима Болгаріи главнымъ образомъ какъ опорная линія противъ оттоманской государственности, которая если только не будетъ окончательно сломлена нынѣшними событіями рано или поздно станетъ передъ Болгаріей гораздо большей опасностью, чѣмъ всѣ остальные балканскія государственности, взятые вмѣстѣ.

Такимъ образомъ, молчаливо уступая или, вѣрнѣе, соглашаясь не подымать вопроса о такъ называемой „спорной зонѣ“, о Салоникахъ съ ихъ периферіей и о городѣ Силистріи, Болгарія будетъ считать себя удовлетворенной, если ея новыя границы пройдутъ по старой болгаро-румынской границѣ (безъ Силистріи) на западъ до границы съ Сербіей, отсюда на югъ по нынѣшней сербо-болгарской границѣ до пункта Егрия—Паланка, включить этотъ пунктъ въ болгарскую территорію, отсюда повернуть опять на юго-западъ по прямой линіи до Охридскаго озера обогнуть озеро и повернуть на востокъ, включая Костуръ (Касторія): Леринъ, обогнуть Салоники съ периферіей, остающіеся въ греческихъ рукахъ, включить въ свою территорію Кавалу, пройдутъ къ эгейскому побережью до Еноса и отсюда пройдутъ на сѣверо-востокъ до Мидіи.

Вотъ тѣ требованія, удовлетвореніе которыхъ можетъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, окончательно ликвидировать болгарскій національный вопросъ ¹⁾.

¹⁾ Опредѣляя приблизительно будущія границы царства Болгарія, я знаю, что оставляю за этими границами еще часть территоріи, населенную преимущественно

3.

Геройская, титаническая борьба, которую сербскій народъ вотъ уже четвертый мѣсяць ведетъ противъ нашихъ общихъ враговъ, создаетъ въ нашемъ общественномъ мнѣніи опредѣленное настроеніе. Какъ всегда бываетъ съ вѣрными союзниками и товарищами по оружію, мы готовы, въ спорѣ между болгарами и сербами, стать всецѣло на сербскую точку зрѣнія и признать всѣ сербскіе аргументы непогрѣшимыми. Все чаще и чаще въ нашей прессѣ раздаются восклицанія о томъ, что нужно наказать коварныхъ болгаръ и вознаградить вѣрныхъ сербовъ.

Если бы, дѣйствительно, существовало какое-нибудь непреодолимое противорѣчіе между интересами сербскаго и болгарскаго народовъ, наше положеніе было бы безвыходнымъ. Въ спорѣ между этими двумя славянскими племенами мы должны были бы стать исключительно на сторону одного изъ нихъ. Но, къ счастью, положеніе не такъ трагично. Противорѣчіе существуетъ между политикой сербскаго и болгарскаго правительствъ, но нѣтъ абсолютно никакихъ противорѣчій между жизненными интересами сербскаго и болгарскаго народа. Та часть нашей прессы, которая пытается доказать обратное, оказываетъ скверную услугу не только болгарскому, но еще больше сербскому народу.

Необходимо помнить, что жизненные интересы сербской націи весьма тѣсно, а бы сказалъ даже эпизодически, связаны съ Балканскимъ полуостровомъ и съ балканскимъ вопросомъ.

Въ то время какъ для болгаръ рѣшеніе балканскаго вопроса есть въ то же время рѣшеніе болгарскаго національнаго вопроса, такъ какъ нигдѣ, кромѣ полуострова, болгарское племя не живетъ сплошной массой, совершенно иначе обстоитъ дѣло съ сербо-хорватскимъ народомъ. Какъ бы ни былъ рѣшенъ балканскій вопросъ,—національный вопросъ великаго, десятиллионнаго сербо-хорватскаго племени только угроживается, но не рѣшается рѣшеніемъ балканскаго вопроса. Это потому, что сербо-хорватскій народъ никогда не былъ и не будетъ и

болгарами. Я знаю, что въ самой Болгаріи довольно сильно такъ называемое „непримиримое“ теченіе, то самое, которое восторжествовало въ политикѣ Болгаріи наканунѣ іюня 1913 года. Но я знаю также и то, что, наученный горькимъ опытомъ прошлаго года, болгарскій народъ въ общемъ гораздо трезвѣе смотритъ на вещи, и разговоры съ наиболее видными и серьезными представителями болгарскаго общественнаго мнѣнія убѣждаютъ меня въ томъ, что приблизительно намѣченныя мною границы дѣйствительно соотвѣтствуютъ желаніямъ болгарскаго народа. Необходимо только, чтобы болгаре отказались отъ своей непримиримой фразеологій, которая—увы!—такъ часто становится противъ нихъ общественное мнѣніе всей Европы. Несчастіе болгаръ въ томъ, что даже тогда, когда они готовы идти на уступки, они не хотятъ громко признаться въ этомъ и въ своей прессѣ доказываютъ, что никакихъ уступокъ никому они не делаютъ. Болгаре должны понять, что ошибки должны исправляться обѣими сторонами.

не долженъ быть балканскимъ народомъ. Этимъ утверждениемъ я не хочу лишить сербовъ какой-нибудь особой чести или какихъ-нибудь особыхъ привилегій. Я хочу подчеркнуть только, что изъ десяти милліоновъ сербо-хорватскаго народа только два съ половиной милліона живетъ на Балканскомъ полуостровѣ, что только четверть территоріи, населенной сербо-хорватами, расположена на полуостровѣ. Но еще больше хочу я подчеркнуть тотъ фактъ, что вся сербо-хорватская культура совершенно *небалканскаго* происхожденія. Не надо быть особеннымъ знаткомъ исторіи сербо-хорватскаго народа, чтобы знать, откуда и какъ зарождалась и распространялась его національная культура. Дубровникъ (Рагуза) былъ ея колыбелью, Загребъ и Любляна—ея школой, Новый Садъ и Бѣлградъ—только политическимъ ея представительствомъ. Национальная культура сербо-хорватскаго племени, зарождающаяся на Адриатическомъ побережьи (родина громаднаго большинства сербо-хорватскихъ художниковъ: скульптора Мештровича, поэта Іована Дучича, драматурга графа Иво Войновича, историка и дипломата графа Луїо Войновича и многихъ другихъ), развиваясь и достигая своего полного расцвѣта въ центральной Европѣ (Загребская академія и новое зданіе библіотеки, на плафонѣ которой весь блескъ истинной сербо-хорватской культуры), только *проникала* на юго-востокъ, только отражалась въ свободномъ королевствѣ Сербіи, только укрывалась здѣсь отъ далматскихъ губернаторовъ, отъ хорватскихъ бановъ, отъ императорскихъ и королевскихъ цензоровъ и прокуроровъ.

Это обстоятельство уже давно, почти съ самаго начала существованія независимаго королевства Сербіи, породило трагическій расколъ между политикой сербской государственности и политикой сербо-хорватской культуры. Въ то время какъ сербская государственность стремилась по линіи наименьшаго сопротивленія на югъ, въ оттоманскую Македонію, съ исключительной цѣлью расширить свою территорію, мечты и надежды сербо-хорватскаго народа всегда устремлялись на сѣверо-западъ—къ колыбели своей цивилизаціи.

Стремленіе сербовъ на югъ было стремленіемъ близорукихъ политиковъ ¹⁾, а стремленіе ихъ на сѣверо-западъ было большимъ культурнымъ дѣломъ, сувереннымъ народнымъ и національнымъ идеаломъ.

¹⁾ Пять лѣтъ тому назадъ, въ разгаръ такъ называемаго аннексіоннаго кризиса одинъ видный сербскій дипломатъ и политическій дѣятель, ближе всѣхъ стоявшій къ покойному сербскому министру иностранныхъ дѣлъ д-ру Миловановичу, говорилъ мнѣ что Македонія когда-нибудь будетъ гробомъ сербской національной идеи, и что всѣ усилія сербской націи должны сосредоточиться на томъ, чтобы присоединить къ королевству Сербіи Боснію и Герцеговину. Тогда же проф. Цвинчъ опубликовалъ свою брошюру, въ которой доказывалъ, что Боснія—душа сербскихъ земель. Это не помѣшало и уважаемому дипломату и проф. Цвинчу въ 1913 г. настаивать на присоединеніи къ Сербіи ббльшей части Македоніи.

Ясно, что этотъ народный и національный идеаль сербо-хорватскаго племени не только не находился въ какомъ-нибудь противорѣчїи съ народнымъ и національнымъ идеаломъ болгаръ, но, наоборотъ, пребывалъ въ полной съ нимъ гармонїи. Светозаръ Марковичъ у сербовъ, Ботевъ и Любенъ Каравеловъ у болгаръ понимали это и всю свою жизнь посвятили борьбѣ за осуществленіе правильно понятыхъ сербскихъ и болгарскихъ идеаловъ.

Къ сожалѣнію, не понимали и, кажется, не понимаютъ этого сербскіе политики и тѣ ихъ друзья въ Россїи, для которыхъ Сербїя и сербо-хорватскїй народъ съ древней и богатой сербо-хорватской культурой начинаются и кончаются въ Бѣлградѣ.

Для прогрессивнаго русскаго общественнаго мнѣнія, знающаго цѣну національнымъ стремленїямъ и идеаламъ, незачѣмъ было выбирать между болгарскими и сербскими національными идеалами. Въ самой Сербїи нужно было провести демаркаціонную линїю между стремленїями близорукихъ политиковъ и идеалами народа, и тогда рѣшеніе балканскаго вопроса не представляло бы той путаницы и тѣхъ неловкихъ лавировокъ, какія наблюдаются въ нашемъ общественномъ мнѣніи до сегодняшняго дня.

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что даже близорукіе сербскіе политики не считали для себя возможнымъ закрывать глаза на національные идеалы сербо-хорватскаго народа. Зная, что завладѣніе Македонїей не приближаетъ, а удаляетъ сербскїй народъ отъ осуществленїя его идеала, сербскіе дипломаты въ іюлѣ 1913 г. выдумали теорїю, по которой присоединенїе Македонїи къ королевству Сербїи называлось ими въ частныхъ разговорахъ и даже въ официальной перепискѣ (собственноручное письмо г. Пашича къ нашему посланнику въ Бѣлградѣ, покойному Н. Г. Гартвигу) дѣломъ временнымъ, „залогомъ“, который будетъ возвращенъ болгарамъ, какъ только сербамъ удастся осуществить свой національный идеаль.

Конечно, уже самъ по себѣ прїемъ взятїя въ „залогъ“ чужихъ территорїи и населенїя вызываетъ неустранимыя недоумѣнїя.

Но, разъ ужъ онъ былъ осуществленъ, сербское правительство должно было по крайней мѣрѣ озаботиться о томъ, чтобы во „временно присоединенныхъ“ земляхъ ввести хоть какой-нибудь порядокъ, хоть признаки гражданственности и государственности. Однако въ дѣйствительности не было сдѣлано ничего подобнаго. Сербы не только не ввели въ оккупированной ими части Македонїи никакого порядка, но, наоборотъ, они разорили даже тотъ примитивный укладъ македонской жизни, который въ доброе старое „турецкое“ время все же оставлялъ македонскимъ болгарамъ кое-какія надежды на лучшее будущее. Я не говорю уже о школахъ, я не говорю объ участїи мѣстнаго населенїя въ обще-

ственныхъ организаціяхъ. Я не говорю о свободѣ печати и собраний. Болгаре, живущіе въ сербской Македоніи, просто объявлены „въ законѣ“, и нѣтъ тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя не примѣнялись бы къ этимъ паріямъ, къ этимъ настоящимъ „заложникамъ“ сербскаго государства.

Агенты сербской власти совершенно разорили Македонію въ экономическомъ отношеніи, они весьма произвольно обложили податями и налогами болгарское населеніе, въ новыхъ сербскихъ земляхъ господствуетъ моральный и физическій гнетъ. Собранный мною по этому вопросу матеріалъ чрезвычайно богатъ и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сербы не хотѣли или не могли ввести даже тѣни гражданственности и государственности въ своихъ новыхъ земляхъ. Я долженъ здѣсь же отмѣтить, что не только сербская социалистическая печать, но даже и греческая буржуазная пресса (открытыя письма г. Спиросъ Меласа къ греческому министру-предсѣдателю г. Венизелосу, опубликованныя въ афинской газетѣ *Неа Имера*) обратили свое вниманіе на ненормальное положеніе вещей въ греческой и сербской Македоніи. Къ сожалѣнію, голоса благоразумныхъ грековъ и сербовъ остались въ буквальномъ смыслѣ слова гласомъ вопіющаго въ пустынь.

И когда, 4 октября этого года, болгарскій полномочный министръ при сербскомъ дворѣ предложилъ сербскому правительству поручить смѣшанной анкетной комиссіи слѣдствіе по этому и цѣлому ряду подобныхъ дѣлъ, сербское правительство категорически отказалось отъ анкеты.

Сербскій народъ, который вотъ уже ровно два года стоитъ подъ ружьемъ, напрягая свои послѣднія силы въ неравной борьбѣ, окончательно созналъ свою физическую и моральную мощь, свою боевую готовность къ осуществленію тѣхъ великихъ завѣтовъ и идеаловъ, которые въ красивомъ старомъ сербскомъ эпосѣ разрываютъ границы, раздѣляющія сербское племя, и сливаются все сербство въ единую народную и національную организацію. Разбиваются цѣпи Босніи, спадаютъ оковы съ Кроаціи и Славоніи, освобождаются Банатъ и Сремъ, сливается со всѣмъ сербствомъ каменистая Черная Гора, и окрашенная сербской кровью Дрина, Сава и Дунай становятся сербскими рѣками. Это ясно для сербскаго народа, это даетъ сербскому народу силы бороться еще, бороться до конца. Теперь ли, сейчасъ ли будетъ побѣда, или она будетъ потомъ, позже, кто знаетъ?... Но она будетъ,—въ этомъ нѣтъ уже никакого сомнѣнія.

То, что дѣлаютъ агенты сербскаго правительства въ сербской Македоніи, не находится ни въ какой связи съ тѣмъ, что дѣлаетъ сербскій народъ для достиженія своихъ національныхъ идеаловъ. Наоборотъ, это

находится въ полномъ противорѣчїи съ надеждами и стремленіями сербскаго народа. Ибо никогда сербскій народъ не нуждался такъ въ дружбѣ болгарскаго народа, какъ теперь. Ибо никогда не былъ такъ близокъ часть національнаго освобожденія и торжества національной идеи, какъ теперь.

Въ прошломъ году, когда рѣчь шла о дѣлѣжѣ оттоманскаго наслѣдства, сербскій народъ могъ заблуждаться и, руководимый сербскими политическими дѣятелями, могъ увлекаться Прилѣпомъ и Битолью. Но теперь, когда рѣчь идетъ объ осуществленіи національнаго идеала сербо-хорватскаго народа, объ освобожденіи Сараева и, можетъ быть, Загреба, сербскій народъ долженъ уступить болгарскому народу болгарскія земли въ Македоніи.

Правда, какъ я говорилъ уже выше, сербскіе политики и ихъ русскіе друзья возражаютъ на это:

— Да, но даже приблизительные контуры будущей Сербїи еще не обрисовались. Мы не знаемъ еще, получимъ ли мы что-нибудь, и что именно мы получимъ!...

И я не могу не повторить еще разъ того, что я уже сказалъ нѣсколькими страницами выше. Если даже предвидѣть самый печальный для Сербїи исходъ войны, нужно теперь уже обезпечить сербскому народу дружбу и искреннее прїятельство болгарскаго народа въ будущемъ. Потому что рано или поздно сербо-хорватскій народъ долженъ будетъ рѣшить свою національную проблему. Настоящая война поставила эту проблему ясно и опредѣленно. Рѣшить ли она ее, пока неизвѣстно. Но можно считать окончательно выясненнымъ то, что въ будущемъ немыслимы никакія колебанія сербо-хорватской общественной мысли, и что впредь она пойдетъ по тому единственному прямому пути, который ведетъ ее къ единственному вѣрному рѣшенію.

4.

Гораздо сложнѣе вопросъ о томъ, согласится ли Греція сдѣлать необходимыя уступки Болгарїи. Дѣло въ томъ, что греческій національный вопросъ такъ же исключительно и неразрывно связанъ съ балканскимъ вопросомъ, какъ и болгарскій національный вопросъ. Кромѣ того, въ Македонїи немислимо провести демаркаціонную линію между областями, населенными преимущественно болгарами, и областями, населенными преимущественно греками. Въ предѣлахъ тѣхъ границъ будущей Болгарїи, которыя я намѣтилъ приблизительно нѣсколькими страницами выше (въ концѣ гл. 2-й), есть мѣстности, въ которыхъ преобладаетъ греческій элементъ, и, слѣдовательно, греки должны проявить уже не только политическую и государственную, но и національную уступчивость.

Объ этомъ было бы трудно мечтать, если бы не одно обстоятельство, которое до пѣкоторой степени облегчаетъ задачу.

Дѣло въ томъ, что греческая національная задача рѣшается не только въ Македоніи, но еще и въ Эпирѣ и на островахъ Эгейскаго архипелага.

Что касается Эпира, то здѣсь интересы греческаго народа сталкиваются съ интересами Албаніи и, въ еще большей степени, будущей наслѣдницы южной Албаніи—Италіи. Установить границу между Эпиромъ и собственно Албаніей до сихъ поръ не удалось ни европейской комиссіи, занимавшейся этимъ вопросомъ на мѣстѣ, ни лондонской конференціи посланниковъ, имѣвшей въ своемъ распоряженіи массу матеріаловъ и документовъ. Греки отодвигаютъ эту границу до самой Валоны, тогда какъ албанцы и европейская комиссія проводили ее гораздо южнѣе, такъ что Корча (Корица) оставалась въ албанской территоріи. Въ самое послѣднее время Англія интересовалась этимъ вопросомъ и желала во что бы то ни стало примирить интересы грековъ и итальянцевъ въ Эпирѣ. Но, насколько мнѣ извѣстно, всѣ усилія англійскаго правительства остались безъ результатовъ, и греки до сихъ поръ продолжаютъ мечтать о Валонѣ.

Какъ рѣшить будущая европейская конференція этотъ вопросъ, я не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, Греція получить значительный кусокъ территоріи въ этомъ углу полуострова,—кусокъ, выгодный не только вслѣдствіе совершенно исключительной производительности почвы, но еще и по своему стратегическому положенію.

Значительно проще обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ островахъ Эгейскаго архипелага. Споръ о нихъ ведется между Греціей и Турціей. Но нельзя ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что Греція обладаетъ всеми правами на эти острова, и что соображенія, приводимыя оттоманскими политическими дѣятелями, не будутъ приняты въ расчетъ будущей европейской конференціей. Острова Архипелага до такой степени неотъемлемая часть Эллады, что никакія стратегическія и политическія соображенія не могутъ оторвать ихъ отъ матери-Греціи.

Достаточно уже того, что европейской конференціи придется особо обсуждать вопросъ о такъ называемой Додеканезіи—о двѣнадцати островахъ Архипелага, лежащихъ къ югу отъ острова Самоса и оккупированныхъ итальянскими войсками. Додеканезія по своему національному составу—исключительно греческая область. И если политическая конъюнктура заставитъ европейскую конференцію совершить большую національную несправедливость и уступить всю Додеканезію или часть ея Италіи или какому бы то ни было другому государству, то тѣмъ болѣе необходимо будетъ вознаградить Грецію остальными островами Эгейскаго архипелага.

Приобрѣтенія, которыя получить Греція въ Архипелагѣ и въ Эпирѣ, должны будутъ продиктовать ей уступчивость по отношенію къ Болгаріи. Та часть, которую Греція должна была бы уступить Болгаріи, не очень велика. На востокѣ—южнѣе линіи Битоль—Воденъ—Сересъ—рѣчь идетъ о территоріи, не представляющей особаго значенія ни въ экономическомъ, ни въ стратегическомъ отношеніи. На западѣ—южнѣе линіи Сересъ—Кавала—вопросъ идетъ о чрезвычайно плодородномъ и удобномъ во всѣхъ отношеніяхъ морскомъ побережьи. И на востокѣ, и на западѣ населеніе смѣшанное: въ городахъ—почти исключительно греки, въ селахъ и деревняхъ—почти исключительно болгаре и отчасти турки. Но, не вполне соответствуя чистой національной границѣ (таковой въ южной Македоніи вообще нѣтъ), только эта граничная линія могла бы упрочить юго-западную окраину Болгаріи. А прочность юго-западной окраины Болгаріи, несомнѣнно, прекрасно отразилась бы не только на греческомъ портѣ Салоникахъ, находящемся теперь въ совершенномъ упадкѣ, но и подняла бы сразу греческое торговое мореплаваніе и вообще греческую торговлю. Опытъ послѣдняго года долженъ былъ дать грекамъ достаточно доказательствъ на тотъ счетъ, что дѣло не въ обладаніи портами, а въ равновѣсіи между побережьемъ и Hinterland'омъ. Узкая береговая полоса, которой они теперь обладаютъ на Эгейскомъ побережьи, несмотря на свои природныя богатства, не можетъ и никогда не сможетъ быть ими использована цѣликомъ. Но та же береговая полоса въ рукахъ болгаръ, обладающихъ ея Hinterland'омъ, будетъ безцѣннымъ кладомъ не только для болгаръ, но и для греческой морской торговли.

Зная настроенія въ Турціи и наблюдая странныя колебанія настроеній въ Румыніи, я все больше и больше убѣждаюсь въ томъ, что нейтралитетъ Болгаріи и Греціи выгоднѣе для насъ ихъ возможнаго участія въ войнѣ.

Судя по всему, что я вижу и знаю, въ Петроградѣ даютъ себѣ ясный отчетъ во всемъ этомъ, и если русское общественное мнѣніе упрекаетъ Болгарію въ ея черной неблагодарности, то это нисколько не мѣшаетъ нашей дипломатіи учитывать болгарскій и греческій нейтралитетъ какъ явленіе для насъ благоприятное.

Но нельзя упускать изъ виду того, что инициативу могутъ взять на себя наши враги, и Турція, являющаяся официальной представительницей двойственнаго союза на Балканахъ, можетъ начать военныя дѣйствія раньше, чѣмъ мы это предполагаемъ.

Несомнѣнно, что въ такомъ случаѣ Болгарія и Греція должны намъ помочь. Эта помощь должна быть оказана намъ не по какимъ-либо сантиментальнымъ соображеніямъ, а по самому прозаическому расчету. Греція должна помочь намъ, потому что только въ союзѣ съ нами она

можетъ получить окончательное право на острова Эгейскаго архипелага. Болгарія должна помочь намъ, потому что только въ союзѣ съ нами она можетъ получить новую границу съ Турціей—линію Мидія-Еносъ. Кромѣ того, Болгарія должна имѣть въ виду, что, только получивъ отъ Турціи острова, Греція сможетъ согласиться на тѣ уступки, которыхъ требуетъ отъ нея Болгарія.

Я долженъ констатировать, что и въ Афинахъ, и въ Софїи понимаютъ это и молчаливо соглашаются съ этимъ. Конечно, для болгаръ, почти покончившихъ свои счеты съ Турціей, эта война не была бы такъ популярна, какъ война, которую два года тому назадъ они вели за освобожденіе Македонїи. Но если, еще до начала этой возможной войны, болгаре получаютъ полную увѣренность въ томъ, что мы дѣйствительно собираемся удовлетворить ихъ справедливыя требованія, несомнѣнно, что у нихъ появятся и былой энтузіазмъ, и былая беззаветность.

Слѣдуетъ, впрочемъ, предвидѣть и другую возможность. Та странная политика, которую ведетъ вотъ уже два мѣсяца Румынія, можетъ привести эту страну къ совершенно неожиданнымъ рѣшеніямъ. Для всѣхъ, кто вблизи наблюдалъ ея странныя политическія колебанія и ея причудливыя дипломатическія диверсіи, не можетъ показаться сюрпризомъ, если въ одинъ прекрасный день она окажется въ ряду нашихъ враговъ. Мѣсяцъ тому назадъ я самъ считалъ это невозможнымъ, но теперь, пристальнѣе всматриваясь въ ея хитрую игру и въ ея сложныя комбинаціи, я вынужденъ взять свои слова назадъ и считаться съ этой возможностью.

Конечно, если Румынія пошла бы противъ насъ, Болгарїи суждено было бы сыграть громадную роль, такъ какъ нѣтъ сейчасъ въ Болгарїи лозунга, болѣе популярнаго, чѣмъ лозунгъ возвращенія новой Добруджи. Въ войнѣ болгаръ противъ Румыніи проявился бы самъ по себѣ тотъ болгарскій энтузіазмъ, свидѣтелемъ котораго мы были два года тому назадъ.

Все, что подъ заглавіемъ „Балканскихъ настроеній“ я сгруппировалъ въ такихъ общихъ и схематическихъ чертахъ въ настоящей статьѣ, мнѣ кажется, отражаетъ только одну сферу, только одну часть разностороннихъ и сложныхъ балканскихъ настроеній, а именно настроенія той части балканцевъ, которые трезво смотрятъ въ будущее и искренно хотѣли бы видѣть балканскій вопросъ справедливо и окончательно разрѣшеннымъ. Хотя я почти все время говорилъ въ первомъ лицѣ, но я старался какъ можно точнѣе передать мысли и настроенія тѣхъ моихъ балканскихъ друзей, которые, отказавшись отъ специфически-балканскихъ утопій и увлеченій, искренно ищутъ общихъ путей, по которымъ они могли бы пойти всѣ вмѣстѣ и съ нами. И теперь, под-

водя итоги этимъ настроеніямъ, я не могу не подчеркнуть еще разъ того отраднаго факта, что великія событія послѣднихъ дней если не внесли уже окончательно, то въ самомъ непродолжительномъ времени внесутъ освѣжающую струю въ жизнь полуострова.

То, что казалось невозможнымъ до 1912 года, то, что казалось фактомъ въ 1912 году, и то, что было погребено въ Бухарестѣ въ 1913 году—балканскій союзъ на здоровыхъ, прочныхъ основаніяхъ—кажется моимъ балканскимъ друзьямъ близкимъ къ осуществленію. Нужно сдѣлать еще одинъ только шагъ, нужно убѣдить сербскихъ политическихъ дѣятелей и ихъ русскихъ друзей въ необходимости ликвидировать сербо-болгарскій споръ теперь же, нужно употребить на это все моральное вліяніе,—и новый балканскій союзъ облегчитъ намъ нашу дальнѣйшую борьбу и раздѣлитъ съ нами нашу дальнѣйшую участь. Въ случаѣ нашихъ побѣдъ онъ еще до европейской конференціи подготовитъ окончательное рѣшеніе балканскаго вопроса. И во всякомъ случаѣ онъ будетъ стоять передъ нашими врагами какъ наше созданіе, какъ сторожевой постъ, который до послѣднихъ возможностей будетъ отстаивать наши общіе идеи и идеалы.

И тогда всѣ тѣ „непримиримые“, всѣ тѣ, чьихъ настроеній я не хочу касаться въ этой статьѣ, всѣ тѣ, кто не можетъ и не хочетъ отказать отъ балканскаго лозунга „все или ничего“, должны будутъ добровольно сойти со сцены, уступить мѣсто новому творческому началу, должны будутъ примириться съ новой, обновленной жизнью на Балканахъ.

Это было бы большимъ торжествомъ не только для балканцевъ, но и для насъ.

Влад. Викторовъ-Топоровъ.

Софія, октябрь 1914 г.

Къ статьѣ „Балканскія настроенія“.

Весьма любопытная статья, написанная по просьбѣ редакціи *Русской Мысли* г. Викторовымъ - Топоровымъ, ярко отражаетъ настроенія болгарскія. Намъ кажется, что авторъ невольно всетаки судитъ обо всемъ съ болгарской точки зрѣнія. Съ такой оговоркой его статья можетъ быть разсматриваема какъ цѣнная попытка—разобраться въ сложномъ переплетѣ балканскихъ національно-государственныхъ соотношеній.

Мнѣ приходилось не разъ указывать въ печати, что Россія можетъ должна стоять внѣ сербско-болгарскаго спора. У насъ есть свои интересы, и, наконецъ, Россія старше и безконечно сильнѣе обонхъ вражующихъ пока между собою славянскихъ государствъ. Ея роль—быть рбитромъ, судьей въ этомъ спорѣ...